

эсеры «представляли многочисленную и пользовавшуюся поддержкой населения реальную политическую силу» (с. 102).

А.И. Юрьев уделяет внимание тому, как большевики организовали разгром эсеровского движения в стране. На основе архивных данных и документов автор показывает, как органы ГПУ вели подготовку к проведению Всероссийского съезда бывших членов партии эсеров, чтобы окончательно ликвидировать ее. При ЦК РКП (б) была создана специальная «эсеровская» комиссия под руководством Е.А. Преображенского. Вся работа по организации съезда велась под контролем ГПУ и ЦК РКП (б), а значительная часть делегатов съезда была осведомителями ГПУ (с. 85). Съезд проходил в Москве 18–20 марта, на нем было всего 55 делегатов, от Тулы не было ни одного кандидата. На съезде было принято решение о роспуске партии и организации Всероссийской исполнительной комиссии, которая должна была провести соответствующие ликвидационные мероприятия в регионах.

Во время ликвидационного съезда в Туле эсеры единогласно осудили прошлую роль партии: «Осознав ошибку своего прошлого, поставив на нем крест, ликвидируем в Туле остатки с.-р. организации» (цит. по: с. 90). К декабрю 1923 г. тульские организации правых и левых эсеров официально прекращают свое существование. А к концу 1925 г. большинство эсеров было репрессировано.

Таким образом, подводит итог А.И. Юрьев, тульские эсеровские организации были ликвидированы «за счет применения репрессивных мер, с помощью которых коммунистическая партия завершала ликвидацию своих политических оппонентов, в данном случае, эсеров» (с. 103).

Ю.В. Дунаева

2018.02.018. МИНЦ М.М. ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (Обзор).

Ключевые слова: Северный Кавказ, первая половина XX в.; население и центральное правительство; повстанческое движение.

Драматической истории Северного Кавказа в XX в. посвящена уже довольно обширная литература. Рассмотрим три недавно опубликованные работы, авторы которых анализируют историю конфликтов между населением региона и центральным правительством.

ством (русским, позже советским) на различных временных отрезках первой половины столетия.

Исследование указанной тематики сопряжено с определенными терминологическими трудностями, поскольку прежние советские термины «повстанчество» и особенно «бандитизм» передают природу изучаемых процессов лишь частично, как отмечает, в частности, Е.Ф. Жупикова (1). Сама она тем не менее продолжает их использовать за неимением устоявшихся альтернатив. В.А. Матвеев (Южный федеральный университет) характеризует выступления горцев в 1917–1918 гг. как «националистическую вандею», этот термин используется и в заглавии его книги (2).

Работа Матвеева, однако, охватывает более обширный хронологический период и посвящена возобновлению набеговой практики в среде горских народов Северного Кавказа в начале XX в., прежде всего отношению горцев к российским властям и к русскому населению региона в переломные месяцы русской революции 1917 г. Автор анализирует причины возрождения абречества, его масштабы, отношение к нему широких слоев местного населения. Период Гражданской войны, вопреки заглавию, в работе не затрагивается. Книга состоит из введения, двух глав и заключительного раздела «Классификация явления».

После окончания Кавказской войны бандитизм на Северном Кавказе в основном сошел на нет, но с новой силой вспыхнул в начале XX в. Автор объясняет это несколькими причинами, включая земельный кризис (значение которого он, однако, призывает не переоценивать), а также смену поколений, произошедшую к этому времени в горных областях: в правление Николая II среди горцев были распространены сильно мифологизированные представления о событиях середины XIX в., имамате Шамиля, абреках и т.д. Новым явлением было то, что в XX в. бандитизм начал приобретать этническую окраску: наметилась тенденция к выдавливанию русского населения из горных районов. Борьбу с абреками сильно затрудняла коррумпированность местной администрации, а также неумение властей привлечь себе на помощь сочувствующую им часть горцев. Тем не менее в массе своей местное население относилось к абрекам отрицательно. С началом Первой мировой войны масштабы набегов и грабежей на какое-то время резко сократи-

лись, что также подтверждает высокую степень лояльности горцев по отношению к российскому правительству.

Новое обострение обстановки произошло весной 1917 г. после Февральской революции, на фоне углубляющегося системного кризиса в стране и паралича власти на всех уровнях. Бандитизм принял беспрецедентный размах, создавая реальную угрозу полномасштабного аграрного кризиса из-за угона скота и разорения земледельческих хозяйств. Продолжающиеся набеги и грабежи провоцировали ответное насилие со стороны казаков и военнослужащих Кавказского военного округа, тем более что последние в массе своей призывались из других регионов России и не знали местной культуры и обычаев. «Таким образом, – заключает автор, – вспышки межэтнических конфликтов на Северном Кавказе накануне октябрьских событий 1917 г. в Петрограде превращались в одну из составляющих общенационального кризиса. В них стал прослеживаться показатель состояния гражданской войны, намечавшейся по критерию раскола сложившейся ранее российской и региональной общности» (2, с. 157). Тем не менее и в этот период общая численность абреков оставалась небольшой, их успехи были обусловлены прежде всего более высоким уровнем организованности по сравнению с остальной частью населения. Несмотря на трудности, местным общественным объединениям удавалось достаточно быстро урегулировать вспыхивавшие один за другим межэтнические конфликты, ни один из них не перерос в длительное вооруженное противостояние. Приверженность к сохранению единого общероссийского политического пространства оставалась, таким образом, довольно стойкой среди всех горских народов и в это кризисное время.

Сравнивая описываемые события с выступлениями крестьян на северо-западе Франции в период Великой французской революции, автор отмечает, что в обоих случаях социальную основу движения составили беднейшие слои населения, а важной предпосылкой к антиправительственным выступлениям стала значительная обособленность, экономическая и культурная отсталость края, в котором они происходили. Отличие состояло в том, что на Северном Кавказе в изучаемый период повстанцы руководствовались не социальными, а этническими мотивами. Кроме того, выступления кавказских горцев в 1917–1918 гг. имели крайне ограниченный

масштаб: общее число абреков не превышало нескольких сотен, так что до настоящей локальной войны дело не дошло, все ограничилось лишь набегам разбойного характера на соседние области. По мнению автора, это свидетельствует о том, что на данном историческом отрезке идеи национализма оставались еще чуждыми основной массе горцев.

Тему продолжает книга Е.Ф. Жупиковой (Московский педагогический государственный университет), в которой рассматривается история повстанческого движения на Северном Кавказе в первой половине 1920-х годов (1). Всплеск этого движения произошел в 1920 г., т.е. еще во время «большой» Гражданской войны. Окончательно подавить его советским властям удалось лишь в 1925 г. В своей работе Жупикова анализирует причины возникновения и живучести повстанческого движения в регионе, его численность и социальный состав, программы и цели, связи с зарубежными государствами (включая Грузию до ее большевизации) и эмигрантскими центрами, выстраивает периодизацию движения, описывает роль Красной армии и местной администрации в его подавлении. Книга состоит из введения, пяти тематических глав и заключения.

В своем исследовании автор использует материалы 10 архивов, как центральных (РГАСПИ, ГАРФ, РГВА), так и местных, в том числе документы грозненских архивов и музея, где она успела поработать еще в советские годы; уцелели ли они после военных действий в 1990–2000-х годах, Жупиковой неизвестно (1, с. 73). В фондах этих архивов содержатся не только материалы центральных и местных советских органов и военного ведомства, но и документы различных антибольшевистских формирований. Кроме того, в работе используются различные опубликованные источники, прежде всего многочисленные доклады и статистические отчеты о положении в регионе, изданные в 1920-е годы. Документальные сведения дополняются мемуарами, включая воспоминания, собранные автором в 1970-е годы в ходе личных бесед с еще живыми тогда свидетелями изучаемых событий.

Анализируя причины повстанческого движения на Северном Кавказе, автор отмечает, что оно было вызвано как ошибками новой советской администрации, так и застарелыми социальными и этническими конфликтами, доставшимися большевикам «в наследство» от старого режима. Наиболее острым был аграрный вопрос,

поскольку бо́льшая часть земли в регионе принадлежала казакам, тогда как иногородние крестьяне в подавляющем своем большинстве вынуждены были землю арендовать, а среди горцев земельный голод был настолько тяжелым, что ставил значительную часть населения в положение «лишних ртов» (от 67% населения в Кабарде до 90% в Чечне). Это обусловило напряженные отношения между горскими народами и казаками, тем более что немалая часть казачьих земель была конфискована до революции именно у горцев. В годы Гражданской войны ситуацию усугубила некомпетентность советских руководителей края, как правило, довольно плохо разбиравшихся в ситуации и незнакомых с местными обычаями и традициями.

В первые месяцы после Октябрьской революции горцы в большинстве своем поддерживали большевиков в надежде на то, что новая власть сумеет достаточно быстро решить земельный вопрос. Однако слишком прямолинейные попытки наделить землей горцев и иногородних крестьян за счет казаков, вплоть до принудительного переселения ряда станиц, вкупе со столь же непродуманными попытками в короткий срок искоренить казачьи традиции путем запретов и репрессий, не только не дали желаемого результата, но и настроили казаков против большевистского режима, что стало одним из первых источников нарождающегося бандитизма. Параллельно к 1920 г. недовольство накопилось и среди горцев, что было обусловлено как общей хозяйственной разрухой в стране, так и неспособностью большевиков в одночасье удовлетворить их требования.

Значительную помощь казачьим и горским повстанцам оказывали другие антибольшевистские силы, в том числе армия Врангеля, правительства Великобритании, Франции, меньшевистской Грузии, а также Турции. Все попытки организовать широкомасштабное восстание на Северном Кавказе, однако, потерпели провал. Автор выделяет несколько причин такого исхода, главными из которых стали успешная дальнейшая экспансия Советской России (в 1920 г. – советизация Крыма, Армении и Азербайджана, в 1921 г. – Грузии) и отсутствие единства среди ее противников (интересы Турции на Кавказе противоречили интересам стран Антанты, Врангель не пользовался доверием среди казаков, кубанские казаки в этот период отказались от борьбы за свержение власти большеви-

ков в Центральной России, ограничившись требованиями о создании независимого казачьего государства на Кубани). В последующие годы сыграли свою роль и успешные операции ОГПУ против «контрреволюционного» подполья.

Общую численность повстанческих отрядов на пике движения в июле–октябре 1920 г. автор оценивает примерно в 40 тыс. человек, что составляло менее 1% населения региона (5 млн 600 тыс. человек к концу Гражданской войны). В дальнейшем число повстанцев пошло на убыль и не превышало нескольких тысяч человек в 1921–1922 и нескольких сотен – в 1923–1925 гг. Это показывает, «что населению, большинство которого составляли крестьяне, были чужды идеи войны, даже казачеству, так обиженному советской властью» (1, с. 327).

В развитии повстанческого движения на Северном Кавказе в изучаемый период автор выделяет несколько этапов. Первый этап она датирует весной – ноябрем 1920 г. В эти месяцы руководство движением осуществляли в основном структуры, подчинявшиеся Врангелю, хотя существенное влияние (особенно на горских повстанцев) оказывала и Турция. Важнейшей боевой силой движения, вплоть до ее разгрома, являлась Армия возрождения России генерала М.А. Фостикова, действовавшая на Кубани. Ее поддерживали белогвардейские морские десанты, прибывшие из Крыма. К этому же периоду относится и начало восстания под руководством Н. Гоцинского в Дагестане, с которым советскому командованию предстояло бороться и в последующие месяцы.

Второй этап охватывает декабрь 1920 – май 1921 г. После эвакуации армии Врангеля из Крыма доминирующее положение в руководстве движением заняли местные организации – Горское правительство и Кубанская рада. Этот этап закончился разгромом основных сил повстанцев советскими войсками; к тому же их положение заметно осложнили советизация Грузии и заключение советско-турецкого договора о дружбе и братстве.

Третий этап (лето 1921 – конец 1922 г.) начался повторной активизацией повстанческого движения (этому способствовал разразившийся голод), но его возможности сильно ограничивало отсутствие серьезной поддержки из-за рубежа, тогда как действия советской администрации и военного командования становились все более продуманными и эффективными, а среди населения, ус-

тавшего от бесконечной войны, распространялась убежденность в несокрушимости нового режима. К концу 1922 г. «бандитизм» в равнинной части Северного Кавказа был практически полностью ликвидирован, а отряды, продолжавшие действовать в горах, насчитывали в общей сложности менее 1000 человек.

Заключительный этап автор датирует 1923–1925 гг. После разгрома повстанцев на равнине основным центром движения стали горные районы. Последняя крупная вспышка бандитизма, на этот раз в основном чисто уголовного, без определенных политических целей, произошла в 1924–1925 гг. В качестве ответной меры войска Северо-Кавказского военного округа провели в августе–октябре 1925 г. масштабную операцию по разоружению населения горной Чечни, а также Ингушетии, Северной Осетии и Сунженского округа. В ходе этой же операции были задержаны большинство активных участников повстанческого движения и его руководители, в том числе Н. Гоцинский (расстрелян по приговору внесудебной тройки). Автор отмечает, что повстанчество на этом не было в полной мере изжито, однако новый его подъем произошел лишь в начале 1930-х годов в связи с коллективизацией, и таким образом выходит за рамки исследования.

Этим событиям посвящена статья Иеронима Перовича (Цюрихский университет) «Мятежные горцы: Северный Кавказ во время сталинской коллективизации» (3). Сопrotивление крестьян колхозному строительству и раскулачиванию было наиболее ожесточенным именно в мусульманской части Северного Кавказа, где для подавления вооруженных бунтов весной 1930 г. пришлось привлекать части Красной армии с горной артиллерией. В течение нескольких месяцев силы повстанцев были разбиты, но и советскому руководству пришлось пойти на значительные уступки. Принудительная коллективизация в горных районах возобновилась лишь в середине 1930-х годов; при этом даже к концу десятилетия большинство колхозов существовали лишь на бумаге. На остальной территории Союза сталинское руководство, временно отказавшись от политики форсированной коллективизации в марте 1930 г., вернулось к ней фактически уже в том же году, т.е. спустя всего несколько месяцев.

Как показывает анализ доступных источников, Сталин и другие члены Политбюро, принимая решение о разрывании сплош-

ной коллективизации, совершенно не задумывались о возможных последствиях такого шага. Северный Кавказ относился к тем регионам, где коллективизацию предполагалось завершить в особенно короткие сроки – в основном по возможности уже весной 1930 г., к началу посевной. При этом никак не учитывался тот факт, что вооруженные бунты в регионе уже имели место в 1928 г. во время хлебозаготовительной кампании (например, в Баксанском районе). Кроме того, на руках у населения еще оставалось значительное количество оружия, несмотря на проводившиеся ранее операции по его изъятию. Горная местность и стойкие общинно-родовые традиции также создавали благоприятные условия для партизанских действий.

Перечисленные обстоятельства, однако, являлись лишь предпосылкой к вооруженным выступлениям. Непосредственной их причиной автор считает то, что горские народы фактически не имели других возможностей для сопротивления. Писать «письма во власть» в горных аулах зачастую было просто некому из-за крайне низкого уровня грамотности. Бегство в города сдерживалось языковым барьером, поскольку в городах Северного Кавказа преобладало русскоязычное население. В Средней Азии одной из форм сопротивления было бегство за границу, благо ее среднеазиатский отрезок в то время охранялся еще недостаточно эффективно, однако на Северном Кавказе отсутствовала и эта возможность. Ситуацию дополнительно усугубляло то обстоятельство, что руководство коллективизацией осуществляла не администрация национальных автономий, а уполномоченные из вышестоящих органов власти, в большинстве своем этнические русские, совершенно не разбиравшиеся в местных реалиях. Во многих удаленных районах единственными представителями «власти» и вовсе являлись сотрудники ОГПУ, также не принадлежавшие к «коренным» этносам. Как следствие, вооруженный конфликт между властями и местным населением, начинавшийся как социальный, довольно быстро приобрел этническую окраску. При этом русскоязычные чиновники, равно как и участники операций по борьбе с «бандитизмом» – военные и чекисты – к горцам зачастую относились свысока, как к дикарям, понимающим лишь язык силы и любой «гуманизм» воспринимающим как признак слабости. Тем самым воспроизводились стереотипы еще дореволюционного периода, так что многие документы

1930 г. по своей стилистике мало отличались от документов времен Кавказской войны. Очередной всплеск вооруженного насилия в регионе на рубеже 1920–1930-х годов лишь укрепил эти предубеждения, что, по мнению автора, можно рассматривать как одну из предпосылок к массовым депортациям кавказских народов в годы Второй мировой войны.

Список литературы

1. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. – М.: Новый хронограф, 2016. – 423 с.
2. Матвеев В.А. Националистическая вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 170 с.
3. Perović J. Highland rebels: the North Caucasus during the Stalinist collectivization campaign // J. of contemporary history. – 2016. – Vol. 51, N 2. – P. 234–260. – DOI: 10.1177/0022009414562821

2018.02.019. КУРЁНЫШЕВ А.А. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В ЭПОХУ СТАЛИНИЗМА. 1922–1950-е годы. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 238 с.

Ключевые слова: СССР, 1922–1950-е годы; сельское хозяйство; сельскохозяйственная интеллигенция и советская власть; сельскохозяйственная наука; «классическая генетика» и «мичуринская агробиология».

Книга д-ра ист. наук А.А. Куренышева посвящена взаимоотношениям советской власти и сельскохозяйственной интеллигенции начиная с введения нэпа и вплоть до 1950-х годов.

В работе показаны попытки воздействия сельскохозяйственной интеллигенции на советскую власть с целью формирования определенной политики в различных сферах и направлениях развития сельского хозяйства страны. Рассматривается борьба научных школ и направлений в сельскохозяйственной науке периода «сталинизма», включая борьбу «классической генетики» и так называемой «мичуринской агробиологии».

По мнению автора, до 1917 г. российская интеллектуальная элита в большинстве своем была подчинена единой цели служения простому народу. Она составляла объединенную научными, идеологическими и порой даже родственными связями группу, нахо-